

HAL
open science

**Софи Кёре ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ СОВЕТСКОЙ
РОССИИ В ГЕОПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1917-1924): ПОЛИТИКА,
ПРОСТРАНСТВА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Sophie Cœuré

► **To cite this version:**

Sophie Cœuré. Софи Кёре ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1917-1924): ПОЛИТИКА, ПРОСТРАНСТВА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. Российские и славянские исследования, 2014, IX, pp.151-160. <halshs-01970647>

HAL Id: halshs-01970647

<https://shs.hal.science/halshs-01970647>

Submitted on 5 Jan 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Софи Кёре

ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1917–1924): ПОЛИТИКА, ПРОСТРАНСТВА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Фокусируясь на событиях 1917–1924 гг., выделены элементы политической и «ментальной» картографии, стремившихся вписать Центральную и Восточную Европу в состав противостоящего Советской России «Запада». Антисоветская политика и воображение, как и восприятие идеологической опасности, создали «двойную границу» даже внутри демократических и капиталистических государств Западной Европы, которую можно сравнить с ролью антибольшевизма при создании национальных государств Центральной Европы. С исчезновением военного интервенционизма после разгрома Красной армии в Польше Советская Россия начала осуществлять политику мирного сосуществования, которая опиралась на гуманитарную, культурную и политическую дипломатию «мягкой силы». Предлагаются различные варианты осмысления места московской модели внутри бойцовского интернационализма первых коммунистов Центральной Европы.

Focusing on the years 1917–1924, this paper proposes an assessment of the construction of the political and “mental” maps, which tend establish Central and Eastern Europe as the “West” against Soviet Russia. Anticommunist policies and representations, perceptions of an ideological threat build a “double border” from within the democratic and capitalist States themselves, comparable with the role played by antibolshevism in the construction of Central-European state-nations. After the Red Army’s defeat in Poland, the Soviet military interventionism evolves in a peaceful coexistence policy, which relies on a humanitarian, cultural and politic soft-power. The paper concludes by opening reflection on the beginning of internationalism and communist commitment in Central and Eastern Europe.

Ключевые слова: Центральная Европа, советская дипломатия, ментальные карты, антисоветизм, санитарный кордон.

Keywords: Central Europe, Soviet diplomacy, mental maps, anti-communism, the cordon sanitaire.

Целью конференции явилось стремление представить коллективный взгляд на место Центральной Европы в отношениях между Францией и СССР. Первые доклады были посвящены общим вопросам их билатеральных отношений. Далее были рассмотрены вопросы

В разделе «Историческое событие — Личность в истории» представлены в виде статей выступления участников I белорусско-французской научной конференции «Центральная Европа в советско-французских отношениях в межвоенный период и дипломатическое признание центральноевропейскими государствами Советского Союза в 1934 г.» (Париж, 29 ноября 2013 г.). Научный форум был организован силами исследователей лаборатории «Идентичность — Культура — Территория» Университета Дени Дидро (Париж-7), межуниверситетского центра хунгаристских и финских исследований Университета Новая Сорбонна (Париж-3), кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета при поддержке Франко-белорусского центра европейских исследований, Парижского фонда «Дом наук о человеке» и Венгерского института в Париже.

Кёре Софи — профессор Университета Дени Дидро (Париж-7). E-mail: sophie.coeure@univ-paris-diderot.fr

признания СССР в 1934 г. Румынией, Чехословакией и Венгрией. Таким образом, мы не рассматриваем напрямую такой широкий вопрос, как само определение «Центральной и Восточной», «Центрально-Восточной» или «Срединной» Европы [1, 2]. Кроме того, имеется ряд публикаций исследовательской группы «Познание Срединной Европы»; GDRCEMSNRS 3067, Paris. Мы, в свою очередь, дополняем эти размышления через анализ Центральной Европы как субъекта и объекта международных отношений в период между двумя мировыми войнами [3]. Речь идет о Европе «Центральной» или «Промежуточной» (чья идентичность долгое время была неосмысленна, а потом, в рамках доминирования национальных государств, оспорена), о пространстве, по выражению Поля Градволя, сведенном в трансграничный регион [4]. Наша задача — вписаться в научную традицию, анализирующую геополитику великих и малых держав по отношению к Центральной Европе, соотнося взаимосвязь национальных интересов, внешней политики, понятия «системы» и делая главный акцент на отношениях Франции и СССР (которые обрамляли данный регион с Запада и Востока континента), не забывая о других заинтересованных государствах, в первую очередь Польше, Германии, Великобритании, США [5–7].

Сменяющиеся историографии данного сюжета были отмечены, видимо, более чем другие, их эпохой. В западной историографии доминировало чувство входа в новую эру, где идеология хаотически вплелась в стратегические и экономические государственные интересы. Животрепещущий вопрос «двойных стандартов» внешней политики советского партийного государства обсуждался постоянно, отделяя коммунистическую идеологию от государственных национальных интересов и унаследованной Москвой полной или частичной опекой территории бывшей Российской империи, не смешивая реальные интересы и риторику. Такой подход позволял ретроспективно использовать понятия «холодная война» или «разрядка» применительно к началу 1920-х гг. [8, 9].

Советская историография долгое время продолжала отрицать проблему «двойных стандартов» Кремля, заменяя память о ревизионизме СССР против версальской системы на понятие коллективной безопасности, связывая изоляцию Советского Союза с агрессивными капиталистами, дискредитируя революционное движение 1920-х гг. как «крайне левое», и, в конце концов, принимая роль Коммунистического Интернационала. Такая интерпретация относительно недавнего прошлого применялась начиная со второй половины 1930-х гг. и еще прочнее утвердилась в 1950-е гг., когда СССР одним махом удалил наследие буржуазной и фашистской дипломатии в Центральной Европе и рассадил по Европе властителей режимов народной демократии — выходцев из московской ветви Коминтерна. Закрытость советских архивов еще более упрощала дело, позволяя трактовать минувшие события достаточно свободно.

Российские и русскоязычные историки значительным образом освоили и по-новому оценили в конце первого десятилетия XXI в. корпус архивных документов. В этом плане выразим особое уважение нашему коллеге из Санкт-Петербурга Олегу Николаевичу Кену, который так рано ушел из жизни в 2007 г. [10–12]. Открытие архивов в 1990-е гг. позволило сделать более тонким анализ процессов принятия решений и внутренней борьбы властных руководителей советского государства и коммунистической партии, а также изучение взаимосвязей внутренней политики с зарубежьем. Исследования Олега Кена характеризуются также детальной работой над связующими линиями между идеологией, практикой и пространственным воображением. Фактически привлечение новых источников, возвращение биографического подхода, а также несомненный успех американского концепта «мягкой силы» после 1989 г. толкнули историков не искать признаки «планов» или «систем», а интересоваться опытом исторических деятелей и их ментальными картами [13]. Мы подходим к тому, чтобы усвоить самое широкое понимание термина «признание», под которым подразумевается «знание» и «принятие».

В конце концов крах коммунизма в Центральной и Восточной Европе поставил под вопрос принятую периодизацию. Первоначальное и необходимое понимание истории международных отношений касательно сюжетов нашего круглого стола берет за отправную точку систему союзов и договоров России с западными великими державами, ликвидированную в Брест-Литовске в 1918 г., и частичное возвращение Советской России в международную дипломатическую игру в Генуе и Рапалло в 1922 г., а также две волны юридического признания СССР в 1924 и 1934 гг. Понятие «послевоенного периода» эволюционировало в сторону понятия «период выхода из войны», которое подразумевает, например, согласно Джорджу Моссу, длительные последствия конфликта [14]. Однако если историки спрашивают о моменте перехода в другую эпоху, то это будет или 1945 г. (у Тони Джадт), или 1956 г. (у Андреа Грациози) [15, 16]. Мы можем подчеркнуть, что советский подход остается завязанным на мировых войнах и на предложенном или навязанном из Москвы миру порядке. Также, в свете событий 1989–1990 гг., начал проявляться интерес к эпохе формирования наций в Центральной Европе в XIX — начале XX в. Признание 1917 года как точки отсчета новой эры привело Питера Холквиста к выдвиганию понятия «континуума кризисов», растянувшегося между мировыми и гражданскими войнами и революциями. Это понятие мне представляется весьма полезным для того, чтобы обратиться к периоду 1914–1921 гг. и даже включить в него первую половину 1920-х гг. [17].

Несмотря на столько расхождений между историографиями, в действительности их представители долгое время забывали об этих спорах. В результате их примирения триумфально утвердилась некая реалистическая парадигма, постепенно передавшая концепцию «революции» в эксплуатацию советской империи. Не имея возможности войти в очень насыщенную хронологию, я бы хотела наметить ниже несколько элементов, позволяющих интерпретировать включение политической карты Центральной Европы, с ее хрупкой «системой» Малой Антанты, в состав противостоящего СССР «Запада», в то время как Советская Россия была исключена из процесса европейской реконструкции, проводимой победителями мировой войны. Речь идет не о том, чтобы противопоставить прагматический (вопросы территорий и экономики) и идеологический подходы и не о том, чтобы четко отделять внешнюю от внутренней политики, но о том, чтобы задуматься о распределении практик и представлений различных акторов, с их субъективным и географическим представлениями, которые структурировали их видение мира и создавали их пространственные референции.

Роль Франции в формировании антикоммунизма в политике и восприятии. Понятие «санитарного кордона» четко отмечает первые годы истории Европы после заключения мирных договоров. Очень важно рассмотреть именно этот отрезок времени, особенно через эволюцию доступной актерам через прессу информации, данные дипломатии, полученные по витиеватым траекториям из-за разрыва отношений с Россией, свидетельства первых эмигрантов из России или отправившихся туда западных путешественников [9, 18]. Представления о большевистской угрозе в разных странах Европы развивались, имея разные стартовые позиции. Нам известно, что знание географии среди гражданского или военного французского руководства (Ф. Фош, Ж. Клименсо) превосходило уровень Д. Ллойда Джорджа, который добровольно признал в 1920 г., что карта Центральной Европы была ему совершенно не знакома [19].

Провал дипломатических шагов Л. Д. Троцкого по выводу России из войны весной 1918 г. привел к организации франко-британской интервенции (к которой присоединились Соединенные Штаты и Япония) в Сибири и на Кавказе, совпавшей с решением СНК о капитуляции в Брест-Литовске в марте 1918 г. Исключение Советской России из Версальской Европы оказалось результатом процесса прогрессивной трансформации целей войны — победить центральные империи — в цель выхода из войны, в которой желание предотвращения любого ревизионизма пораженных государств было дополнено страхом Европы перед заражением

большевизмом. Таким образом, советское правительство после Брест-Литовска не участвовало в переговорах о мирных договорах, которые навязывались пораженным государствам или согласовывались с новыми государствами, появившимися в результате распада империй — государствами восстановленными (Польша), увеличенными (Румыния) или созданными (Чехословакия). В то же время на этих переговорах проблема России и большевиков явно присутствовала. Пресса и протоколы дебатов заседаний мирных конференций показывают на сочленение вопросов идеологии и прагматизма в 1918—1919 гг. Изначально Франции и Великобритании казалось возможным скомбинировать эти два подхода, рассчитывая на перерождение большевизма в «стабильный» режим в России не только политически, но и экономически. Досье французских военных и дипломатов показывают, что гипотеза небольшеви́стской России продолжала серьезно расцениваться и в течение первой половины 1920 г., даже после репатриации французских военных и дипломатических миссий. Эта гипотеза поддерживалась благодаря заявлениям представителей промышленности и торговли, а также ученых и белой эмиграции.

Французский опыт взаимодействия с большевизмом формировался на фоне конфликта, который развивался на нескольких фронтах. В Париже конфликт ангажировало Министерство иностранных дел и высшее военное командование. В зонах боевых действий были задействованы как военные — рядовые и офицеры, так, например, и журналисты. Французы присутствовали в Сибири, в Украине, на Кавказе, в Крыму, где они помогли при эвакуации частей генерала Врангеля в 1920 г. Также французские военные миссии были задействованы против Венгерской Советской Республики Бела Куна и оказали помощь в Словакии чехословацкой армии, и в качестве опоры румынских войск в Будапеште. Французские офицеры, среди которых присутствовал, как мы знаем, капитан Шарль де Голль, участвовали в советско-польской войне. Годом позже французы и британцы детально разрабатывали последний проект интервенции с целью оказания помощи восстанию на Кронштадте весной 1921 г. [6, 8, 20, 21].

Антикоммунизм французских элит опирался на конкретный опыт Центральной и Восточной Европы, на опыт, который передавался свидетельствами антибольшеви́стской эмиграции, а также на идеологическое неприятие. Известные весьма неопределенно замыслы и прокламации новых властителей в Москве создавали образ государства нового типа, идеологической опасности, которая доминировала над национальными интересами и идеей «родины». Все это выработало чувство какой-то внутренней опасности, которую я назвала раньше «вторым фронтом», связанного с присутствием Французской коммунистической партии — красным анклавом внутри Третьей Республики [22]. Страх вражеского вторжения и заражения большевизмом широко доминировал над четким пониманием парадипломатических механизмов оказания влияния, задействованных одновременно Народными комиссариатами и Коммунистическим Интернационалом. Можно вспомнить, например, журналиста Камий Эмар, симпатизирующего фашизму и предлагающего в своем памфлете 1925 г. «Большевизм или фашизм, французы, пора выбирать!» опираться на фашизм против «большеви́стской волны».

Однако при анализе отношения французских элит к Советской России и к европейским фашистским государствам как в начале 1920-х гг., так и в последующие годы идеологический фактор не должен переоцениваться. Так, перцепция опасности заражения из-за непосредственного контакта, чрезвычайно ощущаемая благодаря метафоре вируса, по мере создания «санитарного кордона» и заключения двухсторонних альянсов Франции со странами Центральной и Восточной Европы, появления Малой Антанты и особенно развития антифашистского движения, постепенно исчезает. Писатель и журналист, сотрудничавший с «Акссьон франсэз», Жак Бэнвиль, который в коллекции своих статей 1937 г. под названием «Россия и восточный барьер» неустанно продолжал предупреждать своих читателей о реальной

угрозе возможного сговора России и Германии, большевиков и бошов, оставался неуслышанным.

Нам известно, что именно Великобритания и США, выступив против Франции и Италии, предотвратили реализацию в 1919 г. проектов маршала Фоша о создании силовым путем из прибалтийских государств, Польши и Румынии «барьера» против большевистской инфильтрации. Однако Франция начала переговоры с Советской Россией не только из-за своей неспособности действовать на такой большой дистанции. На самом деле контакты с советскими эмиссарами никогда и не прерывались. Внешнеполитическая антигерманская одержимость, разумеется, доминировала над реалистической французской дипломатией, которой приходилось учитывать устойчивость социалистического режима в России. В этом случае имперское воображение в Париже заигрывало с идеей, что Россия естественным образом будет склонна доминировать на своем европейском и азиатском пространстве. Поэтому французские лидеры (и Эдуард Эррио в первую очередь) делали совершенно иные выводы из советско-германского сближения в Рапалло, нежели Жак Бэнвиль, и вновь начинали ценить старую формулу обратного союза (фр. «alliance de revers») между Францией и Россией.

Экономическая мотивация тоже играла роль вместе с надеждой на восстановление связей, способных помочь не потерять французские промышленные и финансовые инвестиции, вложенные в Россию до 1917 г., а также на получение выгод от НЭПа, снова разрешавшего иностранные инвестиции в СССР. Вспомним Анатоля де Монзи, выполнявшего во Франции функцию посредника и переговорщика по вопросу российских долгов. С 1922 г. в Париже обосновывается представитель Народного комиссариата по иностранным делам. Одновременно мы можем выдвинуть предположение, что идеологический фактор не был оставлен, но был реинтерпретирован такими людьми, как Эррио и Монзи, которые всегда надеялись, что советский режим смягчится благодаря контактам со старой Европой, придаст цивилизованную форму своей политике и даже своим ценностям [18].

Центральная и Восточная Европа как «восточный барьер». Возвращаясь к вопросу об антибольшевизме в конструкции национальных государств Центральной Европы, который станет отправной точкой для последующих докладов, посвященных 1930-м годам, необходимо осмыслить роль советско-французских отношений в процессе национально-государственного строительства. Этот процесс развивался под сильным влиянием актуальных проблем безопасности, суверенитета, исторической и современной легитимности. Нам известно, что работа экспертов в области географии и этнографии на мирных конференциях проходила под давлением как «французских интересов», так и представителей Прибалтики и Центральной Европы, которые были задействованы Антантой с начала Первой мировой войны. Нам также известно, благодаря работам Балажа Аблонци о Пале Телеки, что иногда политики и ученые были одними и теми же людьми [23]. Эти эксперты часто использовали старую и порой противоречивую информацию об этническом и лингвистическом разделении населения приграничных зон. Например, в то время как по российской статистике румыноязычные составляли 46 % населения Бессарабии, по румынской статистике — уже 66 % [24]. Государственные образования, созданные на базе мирных договоров, оказались гетерогенными, нестабильными и спорными. Как продемонстрировал Траян Санду, «система» Малой Антанты была быстро подорвана из-за сложного характера соседства и отношений, особенно экономических, между ее членами и Германией, что часто оказывалось важнее их отношений с Францией или СССР [25, 26].

При этом Румынию, Венгрию и Польшу объединяло то, что они были частично построены на принципах антибольшевизма. Сочленение враждебности к российской мощи и коммунистической идеологии было настолько сильным, что оно, например, подавляло экономическую заинтересованность от налаживания отношений с российским рынком [27, 28]. Конф-

ронтация с режимом Бела Куна, советско-польская война, долгий пограничный конфликт между СССР и Румынией, восприятие идеологической угрозы, постоянно дополняемой территориальным давлением (что не угрожало Франции), складывались вместе с легитимизацией цивилизационного барьера. Как результат, Центральная и Восточная Европа была представлена фронтом европейского и христианского Запада против большевистской и атеистической Азии. При этом следует учитывать присутствие белой эмиграции в Болгарии и особенно в Чехословакии. «Чешские легионы» воевали на стороне Антанты в годы Первой мировой войны во Франции, в Италии и в России. Весной 1918 г. несколько тысяч чешских солдат пересекли Сибирь с боями против Красной армии, идя к порту Владивостока с желанием дойти морем до Западного фронта. Этот опыт сыграл фундаментальную роль, так как первые набранные высшие воинские чины и дипломаты чехословацкого государства оказались проникнуты духом антибольшевизма [29, 30].

Чехословацкое государство решило не вмешиваться в российскую гражданскую войну и это «демократическое невмешательство» позволяет говорить о том, что идентичность национальных государств Центральной Европы строилась одновременно во взаимодействии с той повесткой дня на Западе, которую пыталась навязать Франция. Постоянно подозреваемые в использовании антибольшевизма в целях внутренней политики и ревизии границ, новые властители Центральной Европы были вынуждены часто прогибаться под стратегические и экономические приоритеты Западной Европы. По своему выбору они, интегрируясь в современный мир европейской социальной и политической демократии, пожелали дистанцироваться от коммунистической России, отброшенной к отсталости и «азиатской» анархии. В 1920-е гг. Эдвард Бенеш теоретически обосновывал особое место «малых государств» и «маленьких людей» Центральной Европы в этой конструкции [31]. Региональная идентичность Центральной и Восточной Европы строилась через принятие парламентского режима и уважения к малой земельной частной собственности, а также через обхождение с этническими меньшинствами в рамках предложенных Лигой Наций практик и ценностей. Речь не идет о каком-то простом применении предложенных западных моделей, но об общем результате, над воплощением которого работали как центральноевропейские, так и французские элиты.

Советская Россия: дипломатия вмешательства, дипломатия сосуществования и дипломатия влияния. Советская Россия, преобразованная в СССР в 1922 г., проводила внешнюю политику, опиравшуюся на продуманную В. Лениным, Л. Троцким и Н. Бухариным версию марксистского понимания мира, которое базировалось на экономических структурах и классовых отношениях. Применяя дипломатию вмешательства, дипломатию сосуществования и дипломатию влияния, СССР, очевидно, играл возрастающую роль в Европе. Внешнеполитическая деятельность НКВД исходя из перспектив научно доказанной законами истории неизбежной мировой революции сочленяла глобальные, интернациональные и прогрессивные контексты с локальной перспективой, которая менялась день ото дня, а также с чувством чрезвычайной национальной хрупкости. В худший момент гражданской войны, когда более двадцати правительств боролись между собой, советское правительство не контролировало более 10 % территорий бывшей Российской империи. Травматизм гражданской войны оставался чрезвычайно силен, и нам, например, известно, что он повлиял на представления И. Сталина о связях между внутренней и внешней угрозами.

В 1918—1924 гг. Советская Россия была только региональной державой, вне зависимости от своих глобальных амбиций. Однако, как показал Олег Кен, понятие империализма позволило дать особую территориальную трактовку политической мысли марксизма-ленинизма, которая в итоге оправдала такую пограничную дипломатию, что рассматривалась за рубежом как хищническая. Эта дипломатия представлялась советской историографией навыворот — как оборонительная, пацифистская и коллективная политика, переноса на 1917—1921 гг.

предложенную Лениным в 1921 г. концепцию «мирного сосуществования» между государствами с разными социальными укладами [24]. Советская дипломатия одновременно представлялась как целостная политика. С другой стороны, историки, имевшие доступ в архивы внешней политики Российской Федерации, настаивают на методичном и конфликтном устройстве заграничной деятельности Кремля [10, 32—35]. Следует ли в ней скороспело различать два лагеря или два течения — прагматиков НКВД (особенно Л. Троцкого, Г. Чичерина и М. Литвинова) и Коммунистический Интернационал, для которого мировая революция заслоняла другие цели? Кажется, что «соседи» НКВД были действительно многочисленны. Помимо Коминтерна собственную внешнеполитическую программу имели также Реввоенсовет, Иностраннный отдел ЧК-ГПУ и Разведывательное управление Красной армии (с 1926 — ГРУ). Также кажется бесспорным, особенно благодаря работам Сабин Дюллен, что грамматика политики народного комиссариата и близких к нему групп становилась все сложнее [36]. Задача мировой революции (в которой Германия стояла на кону как главная ставка до 1923 г., после чего она уступила место Азии) исчезновения созданных капиталистической системой антинародных государств не была оставлена, но отложена на будущее. Это верно для политики как Ленина, так и Сталина, идеологическое отступление которого никогда не было полным. Добавим, что внешнюю политику большевиков следует понимать под углом взаимоотношений «центр — периферия» внутри строившегося СССР, учитывая трения между Москвой и руководителями советской Украины и Беларуси.

Кроме того, большевистские лидеры готовились с 1916—1917 гг. открыто бороться против твердой оппозиции капитализма, без колебаний используя его внутренние противоречия. Для них традиционный дипломатический репертуар (официальные представительства, переговоры и соглашения, особый символ — черные фракты, надетые на Генуэзской конференции 1922 г.) был полезен, но не обязательно легитимен. От этого репертуара можно было уклоняться или дополнять его другими модальностями действий, которые ставили под вопрос границы между законностью и незаконностью, между открытыми и конспиративными операциями, служащими источниками жизненно важной информации в пору, когда Советы еще не имели собственных представителей в крупнейших зарубежных столицах. После того как безрезультатные требования Москвы принять участие в мирных переговорах были оставлены в феврале 1919 г., перед угрозой франко-британской интервенции народный комиссариат выработал теорию исключения новой России из версальской системы, представленной как часть капиталистического миропорядка, и заботливо подчеркивал, что он добивался от великих держав принятия в расчет существования и мощи советского режима, даже временно изолированного и ослабленного. Первоначально эта политика проводилась как политика соседства, которая не была целенаправленно специфицирована для Центральной Европы. Таким образом, СССР все больше относил Центральную Европу в подкатегорию «Запада». В результате сектор НКВД «Средняя Европа» исчез, как и Школа кадров коммунистических партий Центральной и Восточной Европы в Москве, которая была преобразована в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада [37].

Если говорить о политике, охватывающей весь «Запад», то следует учитывать фактор границ бывшей Российской империи. Москва использовала послевоенную нестабильность (бессарабский, а также литовский вопросы), играла с ревизионизмом, одновременно заключая договоры о мире и разоружении со своими прибалтийскими, финскими, польскими и турецкими соседями. Таким образом, СССР фактически присутствовал в Центральной Европе задолго до его признания большинством региональных государств в 1934 г. Игорь Зубачевский показал на примере неопубликованной корреспонденции, что в 1920 г. М. Литвинов приветствовал образование Малой Антанты, тем более находившейся в руках «руссофила» Э. Бенеша, до тех пор, пока та блокировала появление новой коалиции против Советской

России. Также он предсказывал, что Малая Антанта будет вести все более и более независимую политику от Франции (что и произошло). В 1921 г. НКИД приостановил, несмотря на позицию К. Радека и М. Литвинова, кампанию Коммунистического Интернационала против Малой Антанты, пробуя предотвратить рост антикоммунистической паники во Франции и Великобритании. Задача возвращения в дипломатическую игру с другими великими державами была реализована и стала приоритетной сразу же после Генуи и Рапалло. Несмотря на противоречивые призывы Коммунистического Интернационала (и особенно его 4-го конгресса в 1922 г.) против созданной империалистами в Центральной Европе «дамбы государств-вассалов», НКИД рассматривал французскую внешнюю политику не только исходя из позиции «осажденной крепости».

В Центральной и Восточной Европе первый коммунистический активизм складывался под влиянием прямого контакта с московской моделью. Данный регион предоставил международному коммунистическому движению своих первых лидеров — бывших военных Германской и Австро-Венгерской империй, переобученных в 1918—1920 гг. в Москве. Биографический подход, представленный, например, работами Анн Кригель и Стефана Куртуа о Эужене Фриде, позволяет приступить к анализу транснациональной истории коммунизма и Коминтерна [38—40]. Для того чтобы охватить всю сложность переработки коммунистическим движением идей интернационализма, надо учитывать его сложные [41], комплексные отношения, с одной стороны, с французскими и германскими социал-демократическими моделями, и, с другой стороны, с процессом создания или восстановления национальных государств на руинах империй, в зонах конфликтов и полиэтничных границ.

Советскую внешнюю политику нельзя понять, не учитывая проведения одновременной парадипломатии влияния. Она разворачивалась в более широких, нежели Центральная Европа, рамках, и задействовала в начале 1920-х гг. гуманитарную дипломатию, политическая составляющая которой недооценивалась ни членами Американской администрации помощи (приехавшей бороться с голодом в Центральной Европе и Советской России), ни НКИД, ни Коминтерном. Открытые в 1990-е гг. архивы в Москве показали, насколько прямо были связаны интернациональная мобилизация против голода в России и советские культурные «общества» за границей: ВОКС и массовые организации Коминтерна, особенно МОПР [18, 42]. После дипломатического признания режима большевиков западными странами эта дипломатия влияния еще более искусно играла в «невмешательство» социалистического государства в «дружественное» отношение коммунистических партий к СССР, действующих якобы совершенно независимо, одновременно проводя подпольные политические или разведывательные операции.

Итак, между 1917 и серединой 1920-х гг. московская модель была навязана всему коммунистическому движению на Западе, включая Центральную и Восточную Европу. В то же время центральноевропейские национальные государства, сконструированные при поддержке «буржуазных» стран, никогда не прерывали контактов со своим восточным соседом. В результате было построено коммуникационное пространство нового типа, в котором, несмотря на то, что восприятие территориальности и соседства оставалось центральным фактором, таким же как оно было начиная с XIX в., идеология и прагматизм сочетались друг с другом в неизвестной доселе манере, реагируя на вызов интернационального революционного большевизма. Все это повлекло трения и противоречия, которые проявились во второй половине 1930-х гг.

Перевод с французского языка аспиранта кафедры истории южных и западных славян БГУ А. О. Пеганова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Histoire de l'Europe du centre-est. Paris : PUF, 2004. 997 p.
2. *Marès Antoine*. La Tchécoslovaquie, sismographe de l'Europe au XXe siècle. Paris : Institut d'études slaves, 2009. 290 p.
3. L'URSS et l'Europe dans les années 1920 / Eds. Narinski Mikhail, Du Reau Elisabeth, Soutou Georges-Henri, Tchoubarian Alexandre. Paris : PU Paris-Sorbonne, 2000. 184 p.
4. L'Europe médiane au XXe siècle. Fractures, décompositions — recompositions — surcompositions / Ed. Gradwohl Paul. Prague : CEFRES, 2011. 285 p.
5. Les conséquences des traités de paix en Europe centrale et sud orientale / Ed. Aycoberry Pierre. Strasbourg : PU de Strasbourg, 1987. 400 p.
6. *Davion Isabelle*. Mon voisin, cet ennemi. La France face aux relations polono-tchécoslovaques entre les deux guerres. Bruxelles : Peter Lang, 2009. 471 p.
7. *Hogenhuis-Seliverstroff Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917—1924. Paris : Publications de la Sorbonne, 1981. 262 p.
8. *Carley Michael Jabara*. Episodes from the Early Cold War : Franco-Soviet Relations, 1917—1927 // Europe-Asia Studies, 2000. Vol. 52, Issue 7. P. 1275—1305.
9. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М. : РОССПЭН, 2008. 374 с.
10. *Кен О.Н., Рунцов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб. : Европейский дом, 2000. Ч. 1: 1928—1934. 701 с.
11. *Кен О. Н.* System Error? Москва и западные соседи в 1920-е — 1930-е годы // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 29—35.
12. *Ken Oleg*. L'URSS comme «zone frontalière» La formation et la projection vers l'intérieur du discours et des méthodes de contrôle territorial dans l'URSS des années 1920 et 1930 // Coeuré Sophie, Dullin Sabine. Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 313—335.
13. Mental maps in the era of two world wars. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
14. Sortir de la Grande Guerre. Le monde et l'après — 1918. Paris : Tallandier, 2008. 511 p.
15. *Graziosi Andrea*. Guerra e rivoluzione in Europa, 1905—1956. Bologne : Il Mulino, 2001. 327 p.
16. *Judt Tony*. Après-guerre, une histoire de l'Europe depuis 1945. Paris : Armand Colin, 2007. 1023 p.
17. *Holquist Peter*. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Harvard UP, Cambridge, 2002. 373 p.
18. *Coeuré Sophie*. La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917—1939). Paris : Seuil, 1999. 358 p.
19. *Marks Sally*. David Lloyd George // Mental maps in the era of two world wars/ ed. Casey Stephen, Wright Jonathan. New York : Palgrave Macmillan, 2008. P. 21—37.
20. *Delmas Jean*. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française // Aux vents des puissances. Hommage à Jean-Claude Allain / ed. Jean-Marc Delaunay. Paris : Presses de la Sorbonne nouvelle, 2009. P. 209—228.
21. *Guelton Frédéric*. Le capitaine de Gaulle et la Pologne (1919—1921) // Charles de Gaulle, la jeunesse et la guerre 1890—1920. Paris : Plon, 2001. P. 242—259.
22. *Ablonczy Balázs*. Pál Teleki. The Life of a Controversial Hungarian Politician. Wayne : Hungarian Studies Publications, 2007. 338 p.
23. *Coeuré Sophie*. Endiguer le bolchevisme? La frontière dans le répertoire de l'anticommunisme, 1917—1941 // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 42—63.
24. *Tomachevski Dimitry*. Relations entre l'Union soviétique et les pays occidentaux et principe de Coexistence pacifique // Tiers-Monde. 1968, tome 9. № 35—36. Coexistence pacifique. P. 595—612. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/tiers_0040-7356_1968_num_9_35_2454
25. Illusions de puissance, puissance de l'illusion: historiographies et histoires de l'Europe centrale dans les relations internationales de l'entre-deux-guerres. Paris : Cahiers de la Nouvelle Europe. 2005. 292 p.

26. *SanduTraian*. Le syst me de s curit  fran ais en Europe centre-orientale, l'exemple roumain (1919   1933). Paris : L'Harmattan, 1999. 495 p.
27. *KrasznaiZolt n*. Id ologie, propagande et diplomatie en Hongrie : la r gion fronti re de la Subcarpatie dans l'entre-deux-guerres // Fronti res du communisme. Mythologies et r alit s de la division de l'Europe de la r volution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La D couverte, 2007. P. 144–164.
28. *Kriegel Annie, Haupt Georges*. Les groupes communistes  trangers en Russie et la R volution mondiale (1917–1919). Etat des travaux // Revue d'Histoire moderne et contemporaine. Vol. 10, octobre – d cembre 1963. P. 289–300.
29. *Mar s Antoine*. L'espace tch coslovaque comme passerelle de civilisation entre l'Est et l'Ouest (1918–1948) : entre g opolitique et id ologie // Revue d'Histoire diplomatique, 2009. N  2. P. 143–162.
30. Europe m diane. Aux sources des identit s nationales / eds. Mar s Antoine, Delaperri re Maria, Lory Bernard. Paris: Institut d' tudes slaves, 2005. 479 p.
31. *Crampton Richard*. Edvard Benes // Mental maps in the era of two world wars. New York : Palgrave Macmillan, 2008. P. 135–156.
32. *White Stephen*. The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922. Cambridge, 1985. 257 p.
33. *Зубачевский В. А.* Политика Советской России в Центральной Европе в начале 1920-х годов (по новым документам) // Отеч. история. 2003. N  2. С. 86–101.
34. *Зубачевский В. А.* Советская политика на Северо-Востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов. // Отеч. история. 2004. N  3. С. 116–127.
35. *Зубачевский В. А.* Политика Советской России на востоке Центральной Европы в 1923 году (по архивным документам) // Вопр. истории. 2005. N  9. С. 40–56.
36. *Dullin Sabine*. Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. Paris : Payot, 2001. 383  .
37. *Fi era Vladimir-Claude*. Les communistes et la paix de Versailles : les pays slaves // Les cons quences des trait s de paix en Europe centrale et sud orientale. Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 1987. P. 371–384
38. *Courtois St phane, Kriegel Annie*. Eugen Fried le grand secret du PCF. Paris : Seuil, 1997. 445 p.
39. *Миронова И. М., Стручков А. А., Устинов В. М.* Интернациональные группы РКП(б) и воинские формирования в Советской России (1918–1920 гг.) // Ист. архив. 1957. N  4. С. 3–36.
40. *Turcanu Florin*. Roumanie, Bessarabie, Transnistrie. Repr sentations d'une fronti re contest e (1916–1944) // Fronti res du communisme. Mythologies et r alit s de la division de l'Europe de la r volution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La D couverte, 2007. P. 118–143.
41. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939 / ред. Г. М. Адиебеков. М. : РОССПЭН, 2001. 398 p.
42. *Fayet Jean-Fran ois*. La VOKS : la soci t  pour les  changes culturels entre l'URSS et l' tranger // Relations internationales, 2003. N  114/115.  . 411–423.

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2013 г.